

Сергей МАКАРОВ

ОН ПРИШЁЛ ПОЗДНО

Сергей Александрович Макаров родился и вырос в Оренбурге. Выпускник Оренбургского государственного университета. С 2013 года резидент культурного проекта «Другая Среда». Публиковался в сборнике стихотворений «История Вдохновения» проекта «Другая Среда», культурной газете «Колумнист», журналах «Гостиньый Дворъ» и «Бельские просторы». Автор антиутопического рассказа «Боги изумрудного города», поэтических книг «Сизый дым», «СМОГ» и «Здесь». Неоднократный участник Всероссийского семинара-совещания «Мы выросли в России», победитель в номинации «Фантастика» 2020 года. Лауреат литературной премии «Чаша бытия». Финалист региональной литературной премии имени П.И. Рычкова. С 2021 года – член Союза российских писателей. Живёт в Оренбурге.

Огонь

Жечь было наслаждением. В такие моменты я понимал Монтэга, это его особое удовольствие: видеть, как огонь пожирает вещи, как они чернеют и меняются.

Это была моя первая более или менее официальная работа. Нет, я не сжигал книги. Я сжигал мусор. Процентом на восемьдесят он состоял из картона, и, конечно, не хлопал крыльями, и не выпускал огненно-жёлтых светляков. Но жечь всё равно было наслаждением.

Здравствуйте, я Серёжа, и я пироман, бывший. После поджога кухонных занавесок (случайного) и болезненного ожога (горящий напальчник вздумал полетать и прилипнуть к левой части груди) пришлось завязать. Это было во втором классе, кажется. Но долгие месяцы перед этим мир сосредоточивался на конце горящей спички. Я и ещё два юных маньяка прятались

под лестницей в библиотеку имени Чехова и жгли, жгли, жгли. Нора, ведущая в этот оплот огня, взрослых не пропускала, а крики возмущённых чёрным дымом тёток нас только веселили. Мы бесконечно заглядывали огню в лицо и слушали, как свирепо шипит полиэтилен, сбрасывая капли, сочащиеся синим пламенем.

— Чем занят? — оторвал меня от воспоминаний начальник.

В нём было больше двух метров роста, и я, со своими метр семьдесят три, опять почувствовал себя учеником младших классов.

— Значит, так, — ему не очень то и нужен был мой ответ, — всё, что ты вокруг забора накрошил, уже засохло, — это было моим первым заданием, вековые заросли чилиги и тополиной поросли. — Берёшь в большую коробку и сжигаешь. Ясно?

— Ясно.

Насвистывая, босс удалился. Сейчас эта моя работа называлась бы «менеджер по клинингу территории» или «ассистент по общим вопросам», но тогда я был просто разнорабочим. Низко оплачиваемым и находящимся под присмотром бати, который, кстати, и сосватал меня на это место. Правда, присмотр был весьма условным, работал я только до обеда и на пространстве оптовой базы размером в несколько гектаров встречал отца чуть чаще, чем никогда.

Днём база вымирала: грузовики, набитые под завязку продуктами, алкоголем и химией, мчали

навстречу магазинам, грузчики играли в бесконечные «пятнашки» внутри складов, мой шеф вместе со спецбригадой решал неотложные дела, а офисные акулы уходили на дно бумажной волокиты. Никому не было дела ни до меня, ни до сухих веток, которым предстояло огненное погребение.

Я взял самую большую коробку, искренне недоумевая зачем (можно же было обойтись и маленькой), поджёг и отправил к обречённому валежнику. «Огонь, с которого всё началось и который мы всё заканчиваем», — проговорил в моей голове Азazelло.

Пламя робко лизнуло первую веточку, качнулось из стороны в сторону — так, разминая шею, качает головой спортсмен — и вдруг бросилось вперёд. Мгновение — и вот уже свирепый жёлто-красный зверь с рокотом и шипением качается над трубами отопления, фыркает и плюётся искрами. И я качаюсь ему в такт, замороженный, как бандерлоги пляской удава Каа. Огонь танцует. Огонь прекрасен и свиреп.

— Ты что творишь? — запыхавшийся охранник дёрнул меня за плечо. — Ты это... Ты что, твою мать, делаешь? — ему не хватает ни слов, ни воздуха, он стар, и не понимает, и потому только вращает глазами и топорщит седые усы.

— Жгу. Мне так начальник сказал.

— Не может быть!

— Спросите у него.

Ещё пять минут я наслаждаюсь рукотворным пожаром. А потом вижу, как они бегут ко мне

оба. Мой шеф прекрасен. Огромный и грациозный, он бежит на два корпуса впереди охранника, похожий на молодого гиппопотама. Я всерьёз опасаясь за асфальт под его сильными ногами. Брань его течёт причудливой рекой, из которой ясно: нужно срочно тушить. Пожав плечами, я бегу за подмогой.

Подмогой может быть только водитель погрузчика — дядя Саша. Через неделю он приведёт мне в усиление своего сына, и это будет впечатляющая встреча. Пока отцы будут говорить о своём, мы станем рассматривать друг друга. Ощупывать глазами. Я его широченные штаны с накладными карманами и панамку, он мои «расово правильные» высокие ботинки и отвороты прямых джинсов. Я, с влитым в ухо ядом неонацизма, и он, одержимый свободой. И всё-таки я протяну ему руку первым потому, что до очередного витка войны бритоголовых и рэперов будет ещё два летних месяца, и потому, что это не совсем моя война. А он пожмёт её Бог весть почему. Мы не станем друзьями, но и врагами не станем.

Но это будет после. А сейчас, придерживая бочку с водой, я стою на клыках погрузчика, он рычит, как разъярённый мамонт, и тащит меня к огню, понукаемый дядей Сашей. Но мы опоздали. Зверь умер. Осталась только куча пепла.

— И чо меня звали? — сердито спрашивает дядя Саша, прикуривая беломорину.

— Данилыч... — объясняю я, показывая на охранника.

— А, — дядя Саша кивает и выпускает облако дыма. — Ясно. Чего, старый, инфаркт микарда? Вот такой рубец? — он вскидывает четыре пальца и, лихо закрутив руль, уводит погрузчик обратно в сторону складов, вместе со мной и бочкой.

— Я тебе что сказал? — шеф ждал меня всё там же, на месте преступления.

— Сжечь. Взять большую коробку и...

— Я сказал — в большую коробку! — проорал он. — Отнести сухие ветки в большую железную коробку... — огромная рука начальника ткнула в сторону большого металлического бака, почерневшего от копоти. — И там сжечь.

— Ну не понял, — виновато потупился я.

— А если бы трубы загорелись?

— Не загорелись бы. Я от них на полтора метра ветки отгрёб и от забора на всякий пожарный. Огонь не страшен сам по себе.

— Что?

— Для чего тебе огонь — сварить ужин или сжечь целый город? — с важным видом я процитировал Хемингуэя и на всякий случай уточнил: — Это из «По ком звонит колокол».

Шеф посмотрел на меня долгим и каким-то диким взглядом.

— Яблоко от яблоньки, — фыркнул он, явно намекая на моего батю, и ушёл, махнув на меня рукой.

Спустя неделю мы перестали жечь картон. Мне выдали личный склад и позволили собирать макулатуру. Огня в моей жизни стало меньше, а денег больше. Через годы мы встретились с шефом уже на другой моей работе. Он был в качестве клиента и, прежде чем начать сотрудничество, мучительно о чём-то думал, рассматривая меня всё тем же долгим и диким взглядом...

Взаперти

Скрип-скраб...

Лениво скрипят качели. Горячий ветер шевелит мои волосы. Лето.

Лето — это маленькая жизнь. Едва-едва качаясь, я обдумываю эту фразу. Я с ней не согласен. Что это за жизнь такая? Школы нет. Кружков нет. Все друзья разъехались. Даже сестра и та смоталась в летний лагерь. Оставшихся по домам разогнала жара. Я один на всей детской площадке. Один во всём дворе. Почти как Чингачгук, почти, потому что у Большого Змея были спутники и друзья.

Скрип-скраб...

А ещё у индейца была свобода. С надменным раздражением я смотрю в свои окна на пятом этаже. Никого нет. Конечно, у них важные взрослые дела. А я? А как же мои дела? За что я обречён сидеть в этой раскалённой обезлюдевшей пустыне? С какой стати? Но диктатура взрослых немолнима. Они не слышат мирных

призывов. Вон, говорят они. Иди погуляй, детям полезно гулять.

Скрип-скраб...

И я гуляю. А вокруг меня гуляют в знойном мареве дома. Их гигантские туши огораживают прямоугольник моей камеры. Сквозь эти стены мне не услышать тихого стука аббата Фариа. Ах, Эдмон! Эдмон, ты вырвался, только что я прочёл об этом. И вот нас разлучили. Ты снова заперт, там, дома, в синей книге с золотым тиснением, она лежит на комод, заложённая счастливым троллейбусным билетом. Ты заперт там. А я, я заперт здесь. По другую сторону двери.

Скрип-скраб...

Дождись меня, Дантес. После четырнадцати лет — что тебе... Я смотрю на часы. Четырнадцать сорок восемь. Ещё целая вечность. Мама сказала, что не пустит меня домой раньше трёх.

Скрип-скраб...

Лениво скрипят качели. Горячий ветер шевелит мои волосы. Лето.

Глина

Если настоящему герою что-то нужно, он обязательно это достанет. А мне срочно нужна была глина.

Много глины.

В нашей замечательной школе всегда было много кружков. Я прошёл почти через все. И вот, когда скука уже расцехляла свои орудия, появился новый. Кружок

лепки из глины. На первом занятии я уяснил две вещи. Первая — лепить из глины круто. Вторая — глину можно добыть самому. А через неделю случилось страшное: глина закончилась. Руководитель кружка клятвенно обещала, что на следующей неделе всё будет.

Что такое неделя для второклассника? Целая жизнь. Ведомый духом великого друга и учителя Карлсона, я решил действовать. Для этого мне потребовались ведро под глину и сообщник. Ведро было похищено в кладовке, а в сообщники я торжественно принял младшую сестру. Приняв суровые выражения лиц, подбаивающие спасителям кружка лепки из глины, мы двинулись в путь.

Путь пролегал через расквашенный весной двор за гаражи. Всё складывалось хорошо. Поздний апрель был нашим союзником. Река, подступившая к самым гаражам, уже отползала, и за ней оставался Клондайк, Эльдorado — целые поля грязи. Очень похожей на глину грязи.

— Спокойствие, только спокойствие, — скомандовал я. — Пройдём чуть дальше и начнём собирать.

— Может, всё-таки тут?

— Ты с ума сошла? — я патетически закатил глаза. — Это какая глина?

— Коричневая? — неуверенно определила сестра.

— Красная! Я, как лучший в мире специалист по глинам, это сразу увидел. А нам нужна какая?

— Белая?

Я кивнул и простёр указующую длань. Пройти дальше оказалось сложно. Грязь хлопала под ногами. Земля категорически отказывалась менять цвет. Я скомандовал сестре ждать и пробрался ещё дальше. Но дальше суша кончалась, обрыв переходил в поле, полное воды.

— Спокойствие, только спокойствие, — бормотал я, стремительно теряя настроение.

— Ну что там? — нетерпеливо спросила сестра. — Я замёрзла. Пошли домой?

Я кивнул, отобрал у неё ведро, и мы двинулись в обратный путь.

— Ой, — сказала сестра на половине пути к гаражам.

Я насторожился.

— Ой! — повторила она.

Я понял: дело плохо. Она стояла возле грязевой лужицы с круглыми испуганными глазами. В одном резиновом сапожке.

— Я провалилась, а там глубоко и... — затараторила она, — за сосало сапог.

— Не ной! — распорядился я голосом Карлсона. — Я лучший в мире специалист по доставанию пропавшей обуви!

Я засучил рукав, чтобы не намочить куртку, и прилёг, чтобы ловчее подцепить сапожок. Уже на земле я подумал, что это было не очень умно. Во-первых, чистый рукав на грязной куртке меня не спасёт. А во-вторых, он всё равно раскатался и намок. Но самое страшное было в том, что ноги семилетней девочки оказались длиннее рук восьмилетнего мальчика.

Как я ни тянулся, ни надувал щёки, сапожок оставался недо-ступен. С каждой попыткой во мне оставалось всё меньше уверенного в себе мужчины и становилось всё больше растерянного Мальшпа. Я представлял, как расстроится мама и что скажет папа. И не мог улететь и спрятаться на крыше. Сообщница смотрела на меня печальными глазами и покорно ждала.

Хватит!

Мы шли домой. Грязные, уставшие, без глины и в трёх сапогах на двоих. Впереди ждала расплата. Но я был готов вынести её стоически. У меня было важное дело.

Завтра меня ждал тайный знак — крест из веток возле лужицы грязи. Завтра я обязан был вернуться на место трагедии. Ведь если настоящему герою что-то нужно, он обязательно это добудет!

На Марс

Маркушев управляет летающее блюдце. Сгущёнка вязко, как бы неохотно вытекает из огромной бочки и скрывается в сиреновой горловине топливного бака. Сгущёнка — лучшее топливо. Во время полёта можно черпать её ложкой через камеру в пассажирском отсеке и есть. Топливо двойного назначения. Когда бак наполнился, Маркушев махнул мне одним из левых щупалец. Значит, пора.

У нас благотворительная миссия: мы везём на Марс семена

карамельной груши. Почему? Потому что яблоки там уже есть.

Я киваю Маркушеву и откусываю кусок опустевшей банки из-под яблочного джема. Того самого марсианского джема! Лакрица скрипит на зубах. Я её не люблю, но банки за собой нужно доедать. Маркушев спешит. Он призывно трубит хоботом. Машет всеми верхними щупальцами и тарачится на меня во все глаза. Маркушев похож на шумный розовый куст.

Наконец мы взлетаем. Край блюдца плавно движется вокруг неподвижного центра. Слышно, как внизу булькает сгущёнка. Маркушев вновь трубит. Теперь восхищённо. Вокруг нас космос. Сегодня он похож на фиолетовую мантию волшебника или звездочёта. Космический ветер покачивает созвездия. Гремит музыка сфер.

Маркушева укачивает, но он всё равно в восторге. Марс приближается. Большой и красный, как барбариска. Блюдце садится прямо в красную сахарную пудру. Сородичи Маркушева, смешно перебирая щупальцами, спешат к нам. Колосятся яблоневые сады.

Маркушев призывно трубит. Он жестом фокусника вынимает из торбочки семечко груши и бросает его в землю. Я черпаю сгущёнку и поливаю семечко. Марсиане недоумённо гудят. Но вот пробивается первый росток. Минута, и малыш марсианин робко срывает хоботом первую карамельную грушу. Маркушев трубит. Все танцуют.

В нашем блюде звонит телефон. Марсиане сразу грустнее. Повесив хобот, Маркушев ласково обнимает меня. Я хлопаю его по упругой спине и просыпаюсь. Мне грустно, но я всё-таки улыбаюсь. Завтра мы с Маркушевым рванём к Сатурну, нужно пополнить стратегические запасы сахарной взвеси с его колец.

Мухин и время

— Сколько? — спросил совершенно обескураженный Мухин.

— Пять, лейтенант. Пять, — повторил полковник, улыбаясь во весь рот.

— Но это же...

— Долго? — ворвался в разговор консультант-учёный. — Увы. Большой скорости в современных условиях...

Он трещал, как сорока, то и дело бросаясь терминами. Варп-семь, термоинкубация, тёмноматериальное топливо и что-то ещё, но Мухин не слушал.

Перед глазами лейтенанта замерло видение газового гиганта. Завтра он летит к Сатурну. Летит целых... Мухин покосился на учёного. Целых пять минут. Что вообще можно успеть за пять минут? Сварить кофе? Пожарить яичницу? Послушать новый трек?

Лейтенант взглянул на часы. Вот Станислав Олегович уже почти столько же распинается, оправдываясь, что варп-восемь ещё не готов. Что скоро время полёта сократится на тридцать, а возможно, даже на тридцать два

процента. Мухин качает головой. Куда ещё меньше? Что это вообще за полёты такие?

Завтра придёт Маша провожать мужа в полёт. Станет плакать, махать платочком. А он раз — туда пять минут, раз — обратно пять. Ну, на спутниках часа три провозится, ну, полчасаика взлёт-посадка. И всё. И домой, как будто не в космосе был, а смену на заводе отстоял. Чёртов варп-семь. То ли дело первый или второй. Летишь себе месяц или, на худой конец, неделю. И космоса насмотришься. И...

— Мухин! — гаркнул полковник; лейтенант вздрогнул и оторвался от размышлений. — Отставить спать во время инструктажа. Что я сейчас говорил?

— Не могу знать, товарищ полковник.

— И этот ещё из лучших, — пожаловался полковник консультанту и, свирепо раздувая ноздри, повернулся к лейтенанту. — Я для кого уже пять минут талдычу...

Ну вот, опять пять минут, подумал лейтенант.

— ...в контакт с инопланетянами не вступать, — закончил полковник. — Это ясно?

— Так точно. А они там есть?

— С точки зрения современной науки... — завёл вольнку Станислав Олегович.

Лейтенант Мухин шагал по ровному, как стекло, покрытию космодрома. Впереди его ждало светлое завтра. Ждали варп-семь, спутники Сатурна и

инопланетяне, про которых ещё недавно он ничего не знал. По ощущениям лейтенанта, судьбоносный инструктаж закончился целую вечность назад. Но часы говорили иное: прошло всего пять минут.

Он пришёл поздно

Он пришёл поздно. В то время он всегда приходил поздно, и мы с сестрой почти не видели его, за редким исключением выходных дней, когда он оказывался свободным, и мы всей семьёй отправлялись в гости, на прогулку, или просто сидели дома, но вместе. Была в этом какая-то законченность, что-то важное, необъяснимо тёплое и правильное. Нет, никто, конечно, не стелил белых скатертей, не готовил восьми перемен блюд и не собирал семью за торжественным ужином. Хотя теперь я понимаю, что стоило бы, хотя бы один раз стоило бы. И это моё «теперь» неразрывно связано с его «тогда».

Он пришёл поздно. Мы с сестрой спали. У нас была одна на двоих комната, один на двоих рабочий стол, общий книжный шкаф и двухъярусная кровать. Кровать была самодельная, он сделал её, когда мне перевалило за шесть лет, она была крепкая, выполненная в духе постсоветского минимализма, по-спартански твёрдая и совершенно не скрадывавшая пространство комнаты, потому что днём её складывали, освобождая нам место для игр, учёбы или стояния

в углу. Не то чтобы нас часто наказывали, но дырку в обоях проковырять мы всё же успели. У нас были замечательные обои. Мир иностранных мультфильмов совсем недавно захлестнул наши детские умы, но мы уже успели если не посмотреть, то услышать, найти на вкладышах жвачки, словом, познакомиться с увлекательным королевством Диснея. Вот это самое королевство и развернулось на одной из наших стен.

Он пришёл поздно. Мы никогда не слышали, как он приходил и как уходил. Он вставал до солнца и приходил после. Иногда он ночевал в машине. Обитатели двора как-то вдруг обросли автомобилями, и местные гаражи перестали справляться с таким объёмом, всё чаще люди стали оставлять машины во дворе, каждый пытался припарковаться под окнами, но окон в девятиэтажке много, а мест нет. И они маялись по ночам, вскакивая и подбегая к окну, таращились в ночь, высматривая, целы ли окна, на месте ли резина, те, что побогаче, ставили сигнализацию, и она пела ночами, тревожимая проезжающими автомобилями и бродячими котами. Скоро выяснилось, что ночные вскакивания не помогают, что лихие люди бьют стёкла и воруют аккумуляторы, снимают колёса, оставляя автомобили униженно стоять на кирпичках. Тогда решили дежурить по очереди, за символическую плату. И он стал иногда ночевать в машине.

Он пришёл поздно. Из сна меня вырвал испуганный вскрик

матери и чужой густой бас, приглушённый, насколько только его можно было приглушить, но взбешенный, беспокойный, сквозь муть сонной одури я ещё не понимал слов, но интонации, заискивающе успокаивающие и лживые, пугали. Я выбрался со второго этажа кровати и, притворяясь, что мне нужно в туалет, потянулся к коридору. Прояснились слова, бас сильно матерился и говорил, что всё будет хорошо, что кости не задеты, что сухожилия срастаются и что-то про доктора. Я шагнул в коридор. Всё почему-то казалось жёлтым: свет из пыльной люстры с дохлыми мошками внутри, старые обои на стенах, испуганное лицо матери, глаза незнакомого коренастого мужика, бинты. Впрочем, бинты были местами очень даже красными, в воздухе резко и дурно пахло какой-то мазью и, кажется, кровью. Он стоял, тяжело привалившись к двери, неловко выставив перед собой руки. След от этих рук был повсюду: каждый болт, шуруп, гвоздь в доме был ввёрнут или вколочен ими, все обои, лампы, розетки, плинтусы, двери, замки, словом, всё, что было видно глазу, так или иначе было сделано, отремонтировано или добыто этими руками.

Он пришёл поздно. Циркулярная пила на ночном, не очень законном, но прибыльном производстве сломалась, он пытался чинить, словом, несчастный

случай. И вот он стоит, выставив вперёд забинтованные по локоть руки, бинты в красных пятнах, под бинтами — укороченные до одинаковой длины пальцы и рассечённые сухожилия. Его мелко бьёт дрожью, он бледен до зелени, но смотрит прямо. Как всегда, прямо. Вот только взгляд, странный взгляд. Меня, конечно, заметили и немедленно выгнали спать. Но я не мог уснуть. Я разглядывал прямоугольники света, вспыхивающие на потолке от фар проезжающих машин, и думал. Передо мной стояли его глаза и виноватый, словно он подвёл меня в чём-то большом и важном, взгляд.

Он пришёл поздно. Он всегда в то время приходил поздно. И как-то вдруг, в темноте, я понял. Понял, что все эти наши чудесные обои, кровати, вкладыши от жвачки, ручки, пеналы, тетрадки и всё, всё вокруг неразрывно связано с этим его «поздно». Я поднялся и прокрался к ним в спальню. Мне было важно сказать, но он спал тяжёлым сном, сложив раненые руки на груди. Я решил сказать утром, но утром никому не было до меня дела. Потому что руки, потому что непонятно, как дальше. Никому не было дела, но именно тогда, морозным ноябрьским утром девяносто третьего года, я решил, кем буду, когда вырасту. Я твёрдо решил стать героем, таким же, как мой отец.